

ИЗ ПАРИЖСКОГО АЛЬБОМА

Вы можете видеть его каждый день на одном из шумных, бурлящих некогда оживленной толпой, бульваров, недалеко от «Опера».

Сядьте, густые его волосы из под широкой, с измятой туфлей, шляпы, льются на плечи, покрытые выцветшей до-зелена пелеринкой, широкие штаны, сломаются на стоптанные ботинки, круто поднятые широкие носки. На пальцах поднятые широкие пальцы. На губах старомоску пополам, — дужка обмотана черной ниткой, — из под очков близорукое внимательное и насмешливое лицо. На высоких козлах — распахнутая папка, на крышке которой, прикреплены кнопочки картины. Желтый песок, ярко-вишневые пальмы, черные люди с огромными обручами во ухах, многогорбые верблюды, рыжие солдаты над пирамидой, похожей на песочницу. Тихий сонный пруд, дым, смутный чай-то смонет, забытая книжка на старой скамейке. Опять вода, ломанные дилли, сфрыл лальный контур города, фонарики на низких сваях в воде, тихо скользят гондолы. Лило-вый на изгибах сибге, елки, похожая на пинну, избушки с прихотливой рбаз бой под коньком тупороброй крыши, крохотная — не выше избушки — церквушка, стало блбых медвдей у избушки.

Будто растровыми сладких экстрактов писаны картины, так он приоткрывает их, сентиментальны, мягки. Но есть подкупающее трогательное что-то в этом соединении насмешливости и чуть грустной усталости в глазах художника и стыдливой наивности картин.

Сколько времени, сколько лет стоит он здесь? Года, сто лет, а, может быть, родился он с первым камнем Парижа... Многие в колдовском этом городе — от величественной гордыни, от волнующего раздолья старины, что непокорными буграми торпориств и рвет властный лик современности, что заглушить, закрыть не могут ни автомобильной вой, ни бисонатые хрипы джаз-бандов, ни раскоряченныя слезливые трубки сивогой рекламы, ни совершенно-силье стриженные затылки члбастроволицыих модницай.

Словен и привычно-юрок его влялять. Его не оглушает, не сбивает пестрота, крики, грохот, назойливое мельканье толпы. Кривя во ушибль тонкая губы, оглаживает он нехитрую книжливую вытпигающуюся роскошь вчерашних сельских лавочников, проважает глазами старое лицо с потускневшими коронами на наглазниках сдвоющих лошадей, ловить ухом, своим шум и лихой широк шпань, четкий неспешный чокь копыт; с достоинством кивает головой худому старику в цилиндре и покровительственно ласково улыбается ибелой стаб шебечущих мидиеток, выпорхнувших из стекляннх вертящихся дверей модного магазина.

— Bonjour, Mignette! — обрадованно кричит он пожилой, но с красивым все лицом и молодой фигурой, дамб, одой чуть криливо, но со вкусо-м.

— Здравствуйте, здравствуйте, мой старик! — отвечает она, приветливо кивает головой и задерживает шаг, оставляя на минуту своего спутника — обрюзгающего человека с ситарой в брезгливо вывернутых губах.

Проходят, — а он все еще вадучиво машет широкополной шляпой, шепчет что-то, и втерь чуть шевелить, делами прямиа сбыхг его волос.

Кто она?.. может быть, монмартская натурщица в прошлом, может быть,

даже спутница иных, вдохновенно-дерзких, молодых его дней, одна из тех молодых «подруг нежества», о которых с такой теплотой пль Беранже...

В полдень старик бережно складывает папку и, чуть согнувшись на бок — он ее достает кончиками пальцев — берет корешок папки — берет в дешевой рестораничк, разлившийся затонном маленьким столиком до самого обрза тротуара. Пьет, ежась, крепкий аперитив и потом долго, медленно встает передо «мудил» («мудил»). Хрустит на перевертых зубках хришева-тая мякоть «куриль для бедных», дымит миска, волнует старика сфрыл запах петрушки — широко ходяг крылья худого его носа.

Створкой самой большой — последней — ракушки, он, черная, как лодкой, до дна выхлебывает темно-пепельную густую острую жужу.

Посль завтрака он вновь на своем мбств.

Покупателей у него немного. Неряшливый старик, по виду ученый, в рвезннии на ходу чуть не опрокинувший козлы, растерянно смотрит на картины так и не понимая, — почему он стал и в чем дьло? Толстая женщина в вязаной шапке — торговка, консьержка, — отбрасывая африканский мотив, яросто выторговывает свои пять су, мальчишка в красной кэпи, весь в галунах и блестящих пуговицах, восторженно, с разблхавшимся ртом визураций на рыжее мокнотое солнце.

Блбная дама с дльничкой перфшнтельно задерживаются у стола.

— Мама, мамочка, тут тоже сибге... — говорит дльничка.

— Да, дльчка, сибге... Как у нас...

— Купи, мамочка, ну, купи...

Дама выбирает картину, — ть же пинн, присыпанный сибгом, церковь в дили, тройка, — ямщик в низеньком цилиндре, задок саней — коконином, притяжнныя лихо заломилн крупные овалы дуг. Старик опускается на корточки, подхватывает, подкидывает дльничку.

— Sa va, ma petite? — испуганно и покорно шепчет дльничка.

— Мадам, вы хотльи бы...

— Да, я взяла бы вот эту картинку, но... вы ней есть маленькая неточность. Вот этот прибор, — она показала на дуги пристяжных, — ставится только на дльней, надь средней, лошадию. Если бы у вас нашлось...

— О, сударыня, я не был в этой сказной стране, но я так люблю ее, так люблю... И мнф очень грустно, что я ее не знаю... Если вы будете любезны дать мнф указание, я сдлаю так, как вы хотитте... Завтра это будет готово... Я с вас возьму только за краски — мой труд и мое вдохновение я буду рад подарить этой оборотливой крохле... — и он снова опускается на корточки.

Вечереть. Вдали надь городом пла мнфеть заря, — смазанное тучей гари, дыл и пара, солнце окрашено в густо малиновый, не натуральный цвфть, как на картинках старика. Скоро потоки сльбзачао зеленого света заливаюг глубокие желоба улиц, крйче о камень бегае грохот и звоиг, и высоко в лебо коменная громада бросает тьны — ставиш дьбом, неподвижнныя темно-сфрыя космы.

Николай Рощинь.

«... Скоро уже Ленинград. Влезм в вагон третьего класса, чтобы лучше ознакомиться с жизнью блбдыннх граждан Советской России. Сь нами, кроме переводчика, никого из официальных лиц, во избежанье обмана. Вокруг — ситыл довольныя лица русских крестьян и крестьянок. Крестьяне, по обыкновению, тщательно вычисты, с намомженными головами, с пробором посрединф. Крестьянки поражает богатством наряда: в модных платьях, шелковых, шерстяных. На шеф нердко жемчужное олье, бриллианты на ухах. У одного из крестьян замфтил в руках «Дэили Геральд». Оказывает, зорко сдлзает за английской политикой. У других на колбнхх ибмештне префь — куранты сельсо — хозяйственных машин. Между прочим, около станции Псковь между двумя группами изъ за префь — куранта возникло шумное недоразумфние.

— О чем они? — с любопытством спрашиваю переводчица.

— Пустяки, мсье, — неохотно отвчает он. — Спорят, какой толь блье пригоден для обработки полей: постоянный или переменный.

«... Хотя сейчас только конец ноябрь, но здесь уже сибг и морозы. Отопление в вагонф, однако, прекрасное. Нь которые изъ нас снимают пиджаки, — настолько жарко. Жану Рише становится даже душно. Идет на площадку по длаать холодным воздухом. Кроме того, къ вечеру во все отблзения кондуктор приносит большнй шумныйя шуку бы бывших мельнич, чтобы у крестьян не мерзли ноги.

Какая заботливость! Какое внимание! Когда и мы доживем в нашей Франци до такой справедливости? Нужно обязательно, по прифдъ в Парижь, потребовать от Марти, чтобы поднял в парламентф этот шкурный вопрос. Но камель Анри Беро со своей книгой о Советской России...!

Ничтожный прислужник буржуазии! Трөгательнун чуткость, между прочим, проявляет крестьянское население в СССР къ положению китайскаго пролетариата. Между станциями Луга и Гатчина я сам видль въ окно, как въ открытой полф происходилн танцы: молодые люди и дльнички радостно плясали подь музыку, взявшис за руки и весело взрывая ногами глубокой сибг.

— Это свадьба, нафрню? — с любовью подхватывает Шарль Дюбуа переводчица.

А переводчик обидлься. — Напрасно так думаете, мсье, — строго замфтил, нахмурившись, он — Вам, должно быть, отличка известно, что вчера в войсках реакционного китайскаго генерала Чанг Цзо Лиля вспыхнул мятежь.

И на станции Гатчина опять подтверждение той же чуткости къ международным дльям: на перронф масса народу, окоченев, военный оркестр играе «Турецкий маршь». И, оказываясь, причина торжества вовсе не какое-либо местное событие, а борьба с национализмом в Ангорф: запрещение туркам носить традиционные фески.

О Ленинградф я много узнаю от революционных во время беслъ наших в дороге. Самыя лучшие здания, построенныя послф свержения монархии, как она зывается, воздвигнуты здель знаменитым архитектором коммунистом Растрелли. Нькоторыя изъ них, къ сожадльню, не вопльи еще закончены изъ-за международной блокады, наступлений Деникина, Врангеля и польской войны. Напримфрь Гостинный Дворь предполагалось выстроить в шесть этажей, а пока закончено всего только два.

Он сознавал, что пишет большую вфру в Великобританию. «Вы провфрите все на опыть; вы продаваете много опыте и только тогда приходите къ ршшению. Вы знаете больше о большевиках, чфм французы, хотя они всегда были больше враждебны къ ним. Вы знали, что они собой представляют. Франци же придется пройти через многое, прежде чфм она поймет. Она не умфет учиться на опыть других народов».

— Сейчас моя роль — журнализм, — сказал он на прощанье, немного печально. — Рассказываю я пишу не много. Все же я узнал, что вскоре выйдеть в Прагф небольшой томик его рассказов и он обидься мнф прислать один экземпляр, если я пошлю ему стихотворение Киплинга, в котором говорится о русской революции.

Иванъ Бунинъ
Покажу, единственный из русских писателей, престиж которого возрос за семь лет революции, это Иван Бунин. Он никогда не был популярен, но он завоевал признание своих соотечественников. Он писатель для писателей... Когда я послал ему недавно в Парижь, я застал у него одного американца, который хотел узнать, пль ли Бунин чегонибудь сенсационного, что можно было бы издать в Нью-Йоркф. Бунинъ... осторожно напомнил ему, что он пишет лишь для немногих. — «Вы никогда не видите, чтобы мои книги читали в вагоновъ железных дорогъ», — сказал он. — «Большевизм Россия не имфет большого непримиримаго противника въ мфр литературы и искусства, нежели Бунинъ. Его сопротивление создало ему репутацию озабоченности. Но это неврню. Это мьтй, смитачный человекъ съ чарующею, пвучаемою голосою. Он съ юморомъ, съ живым остроумиемъ говоритъ о России, подкупающе улыбаея, чтобы склонить вас на свою сторону.

Гостиница, в которой мы остановились, очень уютна. Номера наши расположены не подряд, а чередуются с комнатами простых русских рабочих. Справа у меня соседъ — древообдльочникъ — занимает три комнаты с ванной; слева — металлист, одинокий. У древообдльочника, как я узнал, большая семья, но сейчас он только с женой: сын заканчивает образование в Гейдельбергском университете, дочь пианистка ухала открывать консерваторью в Мурманскф. А у металлиста семьи нфть, но эффектная метресса и прекрасный собственный автомобиль. Странная только привычка у этих сосдей! Когда ни придеь къ древообдльочнику, или он или жена обязательно принимают ванну. На вопрос, почему так часто, отвчают со странной улыбкой:

— Это про запас, мсье.

Металлист при моем появлении начинает мрачно пить мадеру, стаканъ за стаканом, а метресса быстро садится къ столу и жадно попьает икру. На мои разспросы оба эти чудака, обыкновенно, отвчают неохотно, кратко. И каждый раз, когда я завожу разговор о прогрессф Ленинграда, о коммунистической творческой работф, о создании нового, онъ только кивает головой, пьет. А она слушает, и вдруг, произносит не то по русски, не то по французски:

— Да, да, правда, мсье. Всюду Растрелли. Вездф Растрелли.

Ходил сегодня осматривать детские дома. Какая чистота! Какой порядок! Я даже проронил несколько слез, а Шарль Дюбуа рыдал. Локоны у дльчок завьты, на головах атласные бантики, ноготочки блестят от маникюра. Когда мы вошли, дльти со счастливыми лицами отдыхали в общем просторном зале. Нькоторыя играли, пуская въ воздухъ дорогие игрушечные аэропланы или заводи паровозы. Другія скромно сидли за столами и, оглядываясь по сторонам, внимательно что-то читали.

— Это что у тебя за книжка, дружокъ? — спросили мы съ Шарлем Дюбуа одну изъ малюток, поочередно подглядывае е по головок.

— Карлъ Марксъ, — радостным голосом отвчала она.

— А ты кого больше любишь, моя милая, — задал вопрос Дюбуа, папу или маму?

— Карлъ Марксъ, — снова упрямо отвчала она.

— А изъ сладкаго что тебф больше нравится, — добавил всльз за Дюбуа я. — Шоколадъ или монпансье?

— Карлъ Марксъ, — быстро заморгав, залилась, вдруг она счастливыми дльжими слезами.

О дльти, советскія дльти! Как мы счастливы, что видли ваше благополучие своими глазами. Что теперь можем смфло бросить в лицо Беро обвинения въ клевету на вашу безмятежную прекрасную жизнь.

Несчастный лжец! Продавший капиталу, ничтожный прислужник буржуазии!

Перед отъездом въ Москву, ршши ли послать наудачу одного изъ знаменитых профессоров, чтобы ознакомиться съ тмъ, как живут в Советской России люди науки.

Собрались ити уже вчера, но нас извстили, что профессоръ переезжает на новую квартиру и может принять только завтра.

Особнякъ, который нанялъ профессоръ, поразил нас богатством своей обстановки. Несколько огромных залов со стильной мебелью для приема гостей; двf столовая — дльная и змниная, прекрасный рабочий кабинет красного дерева и библиотека со многими тысячами книг, на которых, как нам удалось прочесть по-русски, авторы записаны по номерам: «дль ном. 124», «дль ном. 2153». Сам профессоръ принялъ нас очень любезно, хотя был почему-то блбден, очевидно, отъ переутомления лекциями.

— Вы не испытываете голода, мсье? — задал вопрос Дюбуа, взглядывая на богато сервированный столъ в соседней комнатф.

— Нтъ, мсье.

— А вам не холодно, профессоръ? — продолжал всльз за Дюбуа Рише, пылливо всматриваясь в пылавий въ кабинетъ камин.

— Нтъ, мсье.

— А одьваете вы вполне прилично, профессоръ? — закончил послф Рише я, тщательно осматривая со всхъ сторон костюм профессора, на котором

Нам пишут из Лондона:

Вниманию русского Лондона и английскаго общества было привлечено появившимся на этих дняхъ въ английской печати разоблачением о пфксомъ С. К. Болотовф, именуемом себя въ дльниихъ спискахъ «Его Высочествомъ Сергеемъ принцемъ Вяземскимъ изъ Суздаля». История сего типичнйшаго самозванца такова:

В 1914 году ездя прбыла пькто М. А. Болотова, режениая книжка Вяземскаго, съ сыномъ Сергеемъ, молодымъ человекомъ приятной наружности и такого-же манеры. Какъ мать, так и сынъ довольно быстро сообразили ть возможности, иногда просто приятныя, а иногда и выгодыя — которая могутъ проеветъ изъ факта обладания какимъ либо титуломъ въ современныхъ демократияхъ, и въ особенности, въ Англии.

Мама разрешила вопросъ коротко и ясно: она превратилась въ княгиню Вяземскую. Сынъ продавалъ въ некоторую аволюцию. Сперва онъ именовалъ себя Сергеемъ де Болотовымъ, затмъ принялъ де Болотовымъ, а затмъ Сергеемъ княземъ Вяземскимъ изъ Суздаля. Вфмъ памятли дльниий его выступления въ газетфхъ, гдъ онъ доказывалъ, что, какъ «Григорьевичъ», онъ имфетъ болфе право на престолъ, чфмъ кто-либо изъ дванасти Романовыхъ. Английское общество, плохо разбирающееся в русской истории, князю этимъ благоглупостямъ съ интересомъ, а тотъ фактъ, что самозванецъ предьяительно выступаетъ своего на политическую арену желалъ на дочерь афлианскаго миллионера Сельфриджа, соблазнилъ его, очевидно, блескомъ княжеской короны — открылъ ему не только многия двери, но и далъ ему возможность хорошо кормить у себя. На дочку сего дльбателя попалась многи иностранцы послы, английские министры и члены английской аристократии.

Настоящие Вяземские проживающье во Франци, ршшили положить конецъ этой авантюре и на этихъ дняхъ в газетф «Морнинг Постъ» писемомъ въ редакцию за подписью десяти представителей русскихъ княжескихъ семействъ, во главф съ тремя Вяземскими, — псевдо-Вяземскимъ былъ разоблаченъ.

Самозванецъ, однако, не смущается и продолжаетъ утверждать, что если у кого либо на земф есть права именовать себя княземъ Вяземскимъ — то именно у него.

Истерические крики самозванца нисколько, однако, болфе не интересуютъ, и онъ разоблаченъ навсегда.

Запрещенный газетамъ о личности Болотова намъ бывш. повфренный въ дльч Е. В. Саблинъ со своей стороны заявилъ, что Болотовъ ему лично давно извфстенъ, что паспорть Болотова выпш-

ревал и библиотека со многими тысячами книг, на которых, как нам удалось прочесть по-русски, авторы записаны по номерам: «дль ном. 124», «дль ном. 2153». Сам профессоръ принялъ нас очень любезно, хотя был почему-то блбден, очевидно, отъ переутомления лекциями.

— Вы не испытываете голода, мсье? — задал вопрос Дюбуа, взглядывая на богато сервированный столъ в соседней комнатф.

— Нтъ, мсье.

— А вам не холодно, профессоръ? — продолжал всльз за Дюбуа Рише, пылливо всматриваясь в пылавий въ кабинетъ камин.

— Нтъ, мсье.

— А одьваете вы вполне прилично, профессоръ? — закончил послф Рише я, тщательно осматривая со всхъ сторон костюм профессора, на котором

сага на имя Болотова, что вфчался Болотовъ в русской церкви въ 1918 г., какъ Болотовъ, и что въ позици Болотовъ зарегистрированъ какъ Болотовъ.

Такая образцовъ вазачиваема безызыскная «карьеря», отъа которой въ видф великолннхъ обдфовъ, блестящихъ приемовъ, громаднхъ фотографий съ подписью «Его Высочества принца Вяземскаго изъ Суздаля», появившея въ Корольской ложф въ «Олимпии» на представлении дльннхъ казаковъ, манифесты о правахъ на престолъ усердно регистрировались салонными корреспондентами английскихъ газетъ.

Разъ мы заговорили о русскомъ авантюристф — небезынтересно вспомнить и другой случай.

Полтора года тому назадъ плькой поржский подмастерье имя Уайт Чепелъ заказалъ себф слдующия визитныя картинки: «принцъ Облонский Ивановичъ Романовъ», съ отъблнхъ в дльвомъ углу «Облонскій Палацъ, Петроградъ» — и пустился въ свфть. Онъ быстро былъ разоблаченъ нашимъ дипломатическимъ представителемъ и исчезъ изъ Лондона, чтобы появиться въ Нью - Йоркф. Тамъ ему, по видимому, повезло, такъ какъ мсьеиэт шесть тому назадъ онъ вернулся въ Лондонъ съ рекомендательнымъ писемомъ одного очень виднаго и богатого американца въ одномъ изъ членовъ дльннхъ Королевскаго Дома. Въ писемф этомъ американецъ проситъ члена английскаго Королевскаго Дома поддержать въ Лондонф «это послдний изъ Романовыхъ».

Секретарь члена английскаго Королевскаго Дома, почуявъ что-то неладное, телефонировалъ въ наше дипломатическое представительство и получилъ отвтъ, что «принцъ Облонскій Ивановичъ Романовъ» имфетъ свое досе въ Скотландъ - Ярдь. Онъ былъ немедленно арестованъ, и въ багажъ его были найдены визитныя картинки на ямъ Магараджи, персидскаго принца и т. п.

Хороша также история съ длькой особой, именованшей себя дльей Великой Княгиней Ювановичъ (Grand Duchess Juwanovich) и выдававшей себя за одну изъ дочерей покойнаго Императора.

N.

ВЪ ПЕРСИИ РИЗА-ХАНЪ БУДЕТЪ ШАХОМЪ

Тегеранъ, 11 декабря.

Предполагаютъ, что 14 декабря на шахскй престолъ будетъ возведенъ Риза Ханъ. До этого учредительное собрание внесетъ поправки въ персидскую конституцию, которая позволяе юридически оформить актъ возведения на престолъ лица не царскаго происхождения.

сбору пиджака былъ приколотъ булавка мнъ ярлыкъ съ цифрой 65.

— Да, мсье.

Задать еще нфсколко добавочныхъ незначительныхъ вопросовъ, мы ушли, извинившись за причиненное безпокойство, вслзствие гнусной информации Анри Беро. А профессоръ любезно провожалъ насъ, желалъ счастливого дороги в Москву и, на мгновение задержавъ мена за рукава, наклонился къ самому уху.

— Вы про все расскажете въ Парижь, мсье, неправда ли? — прошепталъ онъ, почему-то поглядывая еще болше.

— Ну, конечно, про все, — дружески пожалъ я почтенному ученому руку. — И про положение крестьянъ, и про положение интеллигенции. И особенно про гордость вашей рабоче - крестьянской республики: Растрелли.

А. Ренниковъ.

РОССИЯ ВЪ ПАССИ И ОТЕЙЛЪ

РУССКЕ ЗАРУБЕЖНЫЕ ПИСАТЕЛИ ВЪ ИЗОБРАЖЕНИИ АНГЛИЧИНА

Stephen Graham. The dividing line of Europe. D. Appleton and Company. New-York, 1925. Pp. VII. 311.

Въ Нью-Йоркф, в издательствф Апльтона только что вышла книга английскаго писателя Стивена Грама «Водо-раздль Европы». Грамъ еще до революци много путешествовалъ по России и написалъ о ней нфсколько книгъ. Судебнныя его о России, подчасъ наивныя, но лишены, однако, интереса. Въ новой книгф Грама, на которой тоже лежатъ отпечатокъ наивности, собраны очерки, частью уже неважные в гасетахъ, о путешествий въ пограничнныя съ Россией страны и о Зарубежной России. Одины отблн книги носятъ заглавие «Россия во Франци», и одна глава в немъ посвящена «бесбдамъ» въ русскими писателями.

Въ ближайшее время мы дадимъ отблн объ этой книгф в дльомъ, пока же приводимъ отрывки изъ упомянутой выше главы -- отрывки, представляющие интересъ и для русскихъ читателей*).

Г. С.

*) Мы помншаемъ настоящя характеря стипль, какъ своеобразныя свидетельския показаня одареннаго иностранца, интересующагося русской дльной жизнью. У васъ, русскихъ, свои мфрла и отблн.

КУПРИНЪ.

Я посетилъ Куприна в Парижь, такъ какъ помимо того, что я выступалъ переводчи его рассказовъ, я искренне преклоняюсь передъ нимъ какъ писателемъ. Сейчас онъ лишился своихъ читателей и мало гдъ печатается... Странное явление: писатель столь же популярный въ России, какъ Уэльсъ у насъ, получивший прежде отъ своихъ писателей такой же большой доходъ, богатый въ мфр писателей, — онъ сталъ нишй человекомъ безъ отечества и писателемъ безъ читателей.

Тмъ не менфе онъ оказался бодрымъ нагнанникомъ. Живеть онъ на окраинф Парижа, въ Отейль, гдъ приютисъ такъ много русскихъ писателей и художниковъ. Ему 54 года. Не видъ онъ нфколько моложе своихъ лтъ, широколицый, съ живыми глазами и такой же общительный, какъ нькоторые разговорчивые персонажи его рассказовъ. Кажется, будто онъ прямо сошелъ со страницъ Купринскаго рассказа...

— Что стало съ вашими произведениями въ Росси? — Онъ, (т. е. большевики), плачутъ на меня, они не вносятъ мени.

— Но развф они не печатають и не продають вашихъ произведений? — Нтъ, если не считать нфкоторыхъ разнхъ рассказовъ, направленныхъ противъ правительства. Ихъ они печатають и распродаютъ въ дльгахъ пропалава-

ды. Я очень жалю. Если я когда либо писалъ противъ своей Родины, я поступалъ неправильно. Знаете, я пришелъ къ заключению, что никогда не слдуетъ писать ничего, что вызываетъ вашу Родину въ плохомъ свфть. Ни одинъ тенй никогда не станетъ писать плохо о своей странф. Посмотрите, напримеръ, на Киплинга. Какъ чудесно! Даже Толстой, — я говорю о Толстомъ художникъ, до того какъ онъ поддавъ влиянью этическаго философи, — и тотъ, въ сущности, никогда не писалъ плохо о своемъ народф. Наверное, у васъ, в английской армии, встречаются пороки, о которыхъ въ прибрннхъ къ русской армии я писалъ въ «Поединкф». Но Киплингъ не сталъ бы упоминаеть о нихъ. А я напишалъ книгу. Все в ней было вфрно, но я блбл не правъ.

Купринъ говорилъ со мной о своемъ всегдашнемъ бошомъ восхищении Редъяромъ Киплингомъ. Онъ всегда поражалъ съ пидийскимъ рассказамъ Киплинга, его замфчательнун умъню перенесить читателя на мьсто дльствя. «Даже в русско-мъ переводф, даже хотя я никогда не видль Инди, я ощущалъ, читая Киплинга, какъ будто и тамъ жилъ. Конечно, его нельзя назвать другомъ России, но все же я хотль бы былъ знакомымъ съ нимъ».

Однажды, уже давно, Купринъ провель нфсколько недль в Лондонф. Ему поправились водопойныя корыта для лошадей, съ кромель для людей наверху и съ плошкой для собакъ внизу, соединяющия лошадь, человека и собаку. — Это восхитительно! — сказалъ онъ. Ему нравилосъ наблюдать семьи, катающияся верхомъ въ Гайдъ-Паркъ: «таше для маленькихъ дльтей имльсь пони». Дети и животные занимають много мьста въ сердцьи Купринъ.

Онь сознавал, что пишет большую вфру в Великобританию. «Вы провфрите все на опыть; вы продаваете много опыте и только тогда приходите къ ршшению. Вы знаете больше о большевиках, чфм французы, хотя они всегда были больше враждебны къ ним. Вы знали, что они собой представляют. Франци же придется пройти через многое, прежде чфм она поймет. Она не умфет учиться на опыть других народов».

— Сейчас моя роль — журнализм, — сказал он на прощанье, немного печально. — Рассказываю я пишу не много. Все же я узнал, что вскоре выйдеть в Прагф небольшой томик его рассказов и он обидься мнф прислать один экземпляр, если я пошлю ему стихотворение Киплинга, в котором говорится о русской революции.

Иванъ Бунинъ

Покажу, единственный из русских писателей, престиж которого возрос за семь лет революции, это Иван Бунин. Он никогда не был популярен, но он завоевал признание своих соотечественников. Он писатель для писателей... Когда я послал ему недавно в Парижь, я застал у него одного американца, который хотел узнать, пль ли Бунин чегонибудь сенсационного, что можно было бы издать в Нью-Йоркф. Бунинъ... осторожно напомнил ему, что он пишет лишь для немногих. — «Вы никогда не видите, чтобы мои книги читали в вагоновъ железных дорогъ», — сказал он. — «Большевизм Россия не имфет большого непримиримаго противника въ мфр литературы и искусства, нежели Бунинъ. Его сопротивление создало ему репутацию озабоченности. Но это неврню. Это мьтй, смитачный человекъ съ чарующею, пвучаемою голосою. Он съ юморомъ, съ живым остроумиемъ говоритъ о России, подкупающе улыбаея, чтобы склонить вас на свою сторону.

Бунинъ — художавий человекъ среднихъ лтъ, съ живыми лицомъ. По лицу его можно подумать, что онъ долго жил съ мужиками. Вь его лицъ есть что-то провинциальное

Стиль модернъ

ИЗЪ ПРИЗНАНИЙ ПРОЗРѢВШАГО

Не такъ давно и я былъ глупъ и жалдалъ губами содвѣпа. Грозилъ ему весьма свирѣпо, Какъ современный Скалозубъ.
Я радъ служить СССР По мѣрѣ силъ своихъ въ торгпредствахъ, За то - на пальцѣ солитеръ И не отбѣжитъ, какъ прежде, въ средствахъ.

Въ станицахъ

Какъ я стараюсь коммунисты установить «смычку» съ казачествомъ, - не удаётся имъ это.
О старикахъ и говорю печено, -- не вступаю въ партию. Но и молодежь казачья упорно не желаетъ идти въ комсомолъ.

Русские въ Кань

Въ Норманди, въ шести километрахъ отъ г. Кань, въ поселкахъ Мондевилъ Коломбелъ, расположенны металлургическіе заводы французскаго «Общества Нормандской Металлургии».
На этихъ заводахъ работаетъ свыше 500 человекъ русскихъ рабочихъ, прибывшихъ сюда по контрактамъ въ разное время изъ Польши, Турціи, Сербіи, Болгаріи.

Театръ и Музыка

КЪ ПРІѢЗДУ Е. Н. РОЩИНОЙ - ИНСАРОВОЙ
Въ Парижѣ пріѣзжаетъ на дняхъ Го щина - Инсарова, прекрасный талантъ которой извѣстенъ всей Россіи.
Съ именемъ Рошиной - Инсаровой вслѣдуетъ цѣлая плеяда московскихъ режиссеровъ послѣдніе годы передъ войной, когда московская драма въ Художественномъ театрѣ, въ Маломъ и въ театрѣ Незлобина была, полна талантовъ и творческихъ исканій.

С. Жеромскій и В. Реймонтъ

Польская литература за короткій промежутокъ времени -- на протяженіи всего двухъ недель -- понесла тяжкія утраты. Скончался Стефанъ Жеромскій, вслѣдъ за нимъ скончался Владиславъ Реймонтъ.
Скончавшись 21 ноября въ Варшавѣ польскій писатель Стефанъ Жеромскій родился въ 1864 году и выступилъ въ литературномъ мирѣ въ 1890 году (довольно поздно) въ 1895 году. Съ этого года почти ежегодно появлялись его новыя произведенія. За послѣдніе годы имъ были выпущены въ свѣтъ книги «Борьба съ Сатаной» (1916 - 1919, въ трехъ частяхъ), «Висла» (Все и Ничего, 1919), «Бѣлые Стѣны» (1920), «Между враждующими» (1920), «Вѣтеръ съ моря» (1922). Его послѣдній романъ -- «Предсѣненіе» -- вышелъ полтора года тому назадъ.

ВЪ СОВѢТСКОЙ РОССІИ

АМЕРИКАНЦЫ ИЩУТЪ КОНЦЕССІИ
«Правда» (5 дек.) сообщаетъ:
«Группа американскихъ инженеровъ, пріѣхавшая на дняхъ въ Харьковъ, посетила Донуголь. Инженеры пріѣхали по порученію американской фирмы «Мессеръ» и предполагаютъ взять концессію на рудники кокушагося угля и построить на этихъ рудникахъ химическіе и металлургическіе заводы. Фирма выражала желаніе заняться разработкой руды въ Криворожскомъ бассейнѣ и предполагаетъ создать на Украинѣ грандиозныя комбинаты по добычѣ чугуна, жѣлѣза, стали и химическихъ продуктовъ. Комиссія уже посетила Югосталь и Южнорудный трестъ. Террени комиссія находитъ въ Донбассѣ.

Къ смерти Александра I

Смерть Александра Багатовѣснаго слухъ поръ остался загадкой. Еще недавно изъ Россіи сообщалось извѣстіе, что распоряженіемъ совѣтской власти гробница царей въ Петропавловскъ соборѣ была вскрыта и гробъ Александра I оказался... пустымъ. Во всякомъ случаѣ сожительство личности Александра со старшимъ Федоромъ Кузьмичемъ продолжалъ возобновлять историковъ. Сравнительно недавно въ кружкѣ релігиозныхъ собесѣдниковъ Е. П. Конаевскій дѣлалъ по этому поводу интересный докладъ и разобравъ все за и противъ не смогъ сдѣлать или менѣе положительныя выводы. Явно вотъ что мнѣ пришлось слышать отъ людей, имѣвшихъ большія возможности разбраться въ этой таинственной исторіи.

Хроника

ВЪ ФОТІЕВСКОМЪ БРАТСТВѢ
Сегодня, въ 8 ч. 30 м. веч. въ помѣщеніи Американской Церкви, (23, ав. Георга У), состоится собраніе, посвященное памяти о. Владимира Гегтга; католическаго абабата, перешедшаго въ православіе.
Съ докладами выступятъ: Ю. А. Колеминъ и А. В. Створскій.
Билеты -- въ пользу сестричества -- продаются въ сестричествѣ, а также при входѣ.

картами, съ разбросанными повсюду игрушками. Но всего замѣчательнѣе показались мнѣ веревки, протянутыя надъ голубой и увѣшанныя выцвѣтшими флажками рыбными костями, ключами водородней утятины лапками, морскими вѣвчиками, разными шариками и шесточками.
На кушеткѣ была бѣлая подушка, а на ней лежалъ кукольный человечекъ съ длинными, дѣвять линшекъ, усаміи -- единственной игрушкой, привезенная имъ изъ Россіи. Ремизовъ поднималъ его, пожимая на плечо и поглядывая -- Онъ очень нѣжный, очень ласковый, -- задумчиво сказалъ онъ.
И удивился рыбьямъ костямъ, жесткимъ надъ нашими головами, но Ремизовъ объяснилъ, что любить чувствовать себя на дѣлѣ омытая, когда пишешь, и съ вѣтромъ связана его книга «Къ морю-океану». Это и «Послонецъ» -- любимыя изъ его собственныхъ вещей.
-- Въ мѣрѣ все такъ кратко, но есть сказочный свѣтъ, чудесный, дивный свѣтъ, -- сказалъ онъ. -- Это то, что нужно людямъ въ жизни...
Я спросилъ его, что онъ думаетъ о поэмѣ жаргонѣ, употребляемомъ большевиками. Грозить ли это испортить русской языкъ?
Онъ сказалъ: -- нѣтъ. Этого жаргонъ употребляется въ официальныхъ документахъ, въ рѣчахъ комиссаровъ, въ бѣлешкахъ газеткахъ, но онъ не испортитъ шведскихъ газетъ, но онъ не испортитъ шведскаго языка въ странѣ. Языкъ зависитъ отъ крестьянъ, которые сейчасъ, какъ и всегда, говорятъ въ чудесномъ русскомъ языкѣ. Въ литературѣ приходится возвращать къ крестьянскому языку. Въ этомъ успѣхъ Бориса Пильняка. Этого возвращенія къ языку крестьянъ -- новое теченіе въ русской литературѣ, которая не можетъ развиваться дальше по академическимъ академическимъ путямъ. Тургеневъ увелъ насъ

въ сторону. Многие русскіе писатели, Тургеневъ, Бунинъ, принадлежатъ къ Тургеневской школѣ, и считаютъ, что русскій языкъ -- западный языкъ, гибкій и текучій, какъ французскій.
И узналъ, что ближайшая вещь Ремизова имѣетъ отношеніе къ фольклору Подкарпатской Руси. Онъ получилъ оттуда много матеріала. -- Поразило, -- сказалъ онъ, -- Чудесныя сказки, близкія къ малорусскимъ, но болѣе оригинальныя. Вотъ гдѣ настоящій источникъ голубовскихъ фантастическихъ рассказовъ.
И уже готовился проститься и уйти, когда Ремизовъ сказалъ: -- Подождите минутку, я познакомлю васъ съ моей женой. -- Онъ открылъ дверь и я увидѣлъ вторую комнату. Тамъ стояли дѣвять арко осыпанные елки съ украшениями позолотой бумаги и рядомъ съ ними, подобная какой-то сказочной фигурѣ, позная дама съ розовыми щеками и блестящими глазами, похожая на огромную куклу. Подъ потолкомъ была протянута веревка, съ которой висѣли засушенные прѣты и растенія.
-- Это раздѣляетъ комнату на двѣ, -- сказалъ Ремизовъ. -- Тамъ можно курить, а тутъ нельзя.
Онъ ждалъ гостя и открылъ крышечку: -- Какъ вы думаете, что здѣсь? -- спросилъ онъ ласково и прибавилъ торжественно: -- Русская земля. Мы приехали сюда съ собою. Юрисъ Пильнякъ плакалъ, когда увидѣлъ у насъ въ Берлинѣ эту коробочку, а другой писатель дерзнулъ сказать. А что вы скажете? -- спросилъ Ремизовъ, внимательно заглядывая мнѣ въ лицо.
И молча улыбнулся: Надѣюсь, онъ меня помянетъ.
М. Д.

Маджонгъ, получившій такое распространеніе въ Европѣ, у себя на родинѣ, въ Китаѣ, подвергся гоненію со стороны бѣлѣвствующаго маршала Фенга. Маршалъ посадилъ въ тюрьму на годъ одного изъ своихъ генераловъ, Шанга, только за то, что тотъ игралъ въ маджонгъ.
По мнѣнію Фенга, увлеченіе маджонгомъ погубило въ характерѣ человѣка. Въ тотъ же день, однако, повидому, съ большимъ основаніемъ объясняя переположеніе маршала въ этой игрѣ тѣмъ обстоятельствомъ, что его главный противникъ Чанъ-Цао-Ланъ очень любитъ маджонгъ и очень въ ней слѣзокъ.

„GABRIELLA“
Интимный и оригинальный уголокъ въ сердцѣ стараго Монмартра
(Чуть его отскрывать, надо бѣжать по ул. Lepie, мнуща Moulin de la Galette, до маленькаго пустыльнаго мѣста Jean-Baptiste-Clement, гдѣ повернуть направо впередъ)
Программа: Г-жи М. Н. БЕМЕРЪ, ВАРЯ ЛАСКА, ШУРА ПОЛЯНСКАЯ, г. А. С. НИКОЛАЕВЪ, ОРКЕСТРЪ САДКО и др.
УЖИНЫ съ 10 час. Итальянскія русско-французскія, восточная кухня.
Лучшій погребъ старыхъ избранныхъ винъ.
Съ 10 ч. до 12 ч. ОТКРЫТО ВСЮ НОЧЬ.